

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С 29

ISBN 978-5-7516-1595-6
© Кира Селезнёва, 2020
© «Текст», 2020

Мила и Вера познакомились ранним холодным ноябрьским утром тысяча девятьсот сорок седьмого года во дворе булочной, в очереди за мукой.

Муку выдавали перед праздниками — перед Новым годом, перед майскими и перед октябрьскими. Очередь надо было занимать часов в пять утра. Лиловым чернильным карандашом записывали на руке номер очереди в списке. Каждый час стихийно возникшие старосты проводили переключку. В этот день муку выдавали в последний раз, поскольку в декабре объявили денежную реформу и отменили карточки, так что муку стало можно просто покупать в магазине.

В то неуютное утро девочки, дожидаясь, когда на смену им придут мамы, разговорились. Оказалось, что обе они учатся в 620-й школе и живут в домах, стоящих через дорогу, один против другого.

В новом учебном, сорок восьмом, году старшеклассников в школе почему-то стало меньше, поэтому вместо пяти седьмых классов образовали три восьмых. Мила и Вера оказались в восьмом «А». Теперь, возвращаясь из школы домой, они нет-нет да вспоминали, как мерзли во дворе булочной, как приплясывали, стараясь согреться.

После уроков Миле и Вере часто не хотелось расставаться, и тогда они придумывали какую-нибудь причину, чтобы зайти к кому-то из них домой. Чаще — к Миле, потому что строгая мама Веры не каждый день ходила на работу и почти всегда была дома. А у Милы с утра до вечера дома была только очень старенькая бабушка, всегда дремавшая в своем кресле, и лежащий на столе здоровенный кот Тишка. Этот стол был одновременно и лежанкой для кота, и обеденным столом, и местом для выполнения уроков — для другого стола места в комнате не было. Правда, и в доме у Веры тоже был только один такой же стол «для всего».

Вера быстро объясняла Миле, как решить задачки в домашнем задании, после чего Мила показывала Вере стихи, которые она сочинила. Мила очень любила поэзию, а из всех поэтов больше всего любила Маяковского. Зная много его стихов, она часто читала их, с выражением. Мила как-то открыла свою тайну — она обязательно будет поступать в театральный институт и станет знаменитой актрисой. Ну и правильно, так и должно было быть — все признавали, что Мила (по паспорту — Эмилия Левченя) очень красивая девочка, может быть даже самая красивая во всех старших классах 620-й школы.

Вере, конечно, тоже захотелось писать стихи, и она стала сочинять что-то стихоподобное, правда, у нее эти так называемые стихи получались гораздо хуже, чем у Милы. Но Вера не сильно огорчалась — зато она умела быстро решать задачки по всем математикам.

Иногда, зайдя после школы домой к Вере, девочки читали записку от Вериной мамы: «Вера! Не забудь, что надо сварить картошку!». Ох уж эта картошка!

Картошку растили на участке в двадцать соток, который Вериному папе выдали на работе. Картошка

была такая мелкая, что никак невозможно было решить, чистить ее или не чистить. Если чистить, то она становилась по размеру точно как горох. К тому же, эта картошка еще была почему-то зеленой! Ну, горох и горох... А если ее варили в мундире, то от нее во рту получался ужасно противный вкус железа.

Когда родители Веры сильно задерживались — папа в своей шахте, он строил метро, а мама на курсах кройки и шитья, — Вера еще должна была и растопить маленькую железную печурку. Из печки шла железная труба, с поворотом, точно в окно, только все равно при горящей печурке комната наполнялась дымом.

Кроме школы, домашних уроков и мелких поручений по дому у Веры еще были занятия фортепиано в музыкальной школе в Мерзляковском переулке. Хотя родители и считали, что занятия музыкой — это самое главное, все-таки мама требовала от Веры и в общеобразовательной, и в музыкальной школах только «пятерок», «четверки» вызывали у мамы недовольство, а «тройки» считались недопустимыми. Для мамы почему-то были очень важными эти высокие отметки, и она всегда была недовольна всем, что, по ее мнению, отвлекало Веру от учебы. Может быть, поэтому она недолюбливала Милу и однажды сказала папе, что Мила плохо влияет на Веру.

По правде говоря, Верина мама была недалеко от истины. Стараясь не сердить маму, Вера стала часто обманывать ее и не рассказывала о своем общении с Милой после школы. А ведь мама постоянно внушала Вере, что ложь — это самое ужасное на свете, что обман всегда обязательно раскрывается, и тогда «это стыд и позор».

Так, утаивая кое-что от мамы, Вера не смогла дома рассказать, что почти познакомилась со знаменитой артисткой Марией Мироновой, которая часто выступала вместе со своим мужем Менакером по радио.

Однажды, уже в десятом классе, забираясь с Милой к ней на пятый этаж, девочки нагнали толстого, краснощекого мальчика.

— Ну, Андрюшка, сколько сегодня схлопотал двоек? — спросила у мальчика Мила.

Мальчик тяжело вздохнул и ответил:

— Сегодня нисколько, а вот завтра... на завтра столько задали задачек — ужас!

Тут Мила засмеялась и сказала:

— Нам тоже, но мне сейчас Веруся поможет.

И вдруг этот румяный толстяк громко заплакал и сквозь слезы стал повторять:

— И мне... И мне...

Это было так смешно!

— Ладно, так и быть. Ты в каком классе? — спросила мальчика Вера.

— В пятом.

— Ну, спляши нам, а я за это все тебе решу.

И Андрюша стал изображать какой-то дурацкий танец, он задирали ноги, размахивал руками и вместо пения громко кукарекал. Вдруг на следующем этаже открылась дверь квартиры и на площадку вышла женщина в очень красивом халате. Насупив брови, она сердито крикнула:

— Сейчас же прекрати!

— Да, мамочка, — тихонько сказал Андрюша.

— Прячемся! — шепнула Мила и толкнула Веру в свою квартиру. — Это же сама Марь Владимировна!

Как выяснилось потом, Андрюша и правда ничего в математике не понимал. Когда Вера за двадцать

ПОДРУГИ

минут решила все его задачки, он встал перед ней на колени и, живописно изобразив рыдания, начал упрямить ее каждый день приходиться к Миле и помогать ему с математикой.

— Спаси меня! Хочешь, я буду заниматься с тобой английским? А хочешь... итальянским? Вообще, проси, чего хочешь! — умолял бедняжка.

До чего Вере было жаль и его, и Милку! Ну что они могли поделать, думала она, если у них так странно устроены мозги?

А однажды, когда подружки встретились по дороге в школу перед второй сменой на своем обычном месте, Милка неожиданно объявила, что они в школу не идут, потому что идут... в кино. Вере никогда ничего подобного даже не могло прийти в голову, и она, конечно, сказала, что это невозможно — а что, если мама узнает, а что мы скажем завтра в школе... На это Милка легкомысленно ответила:

— Завтра будет только завтра. Что-нибудь придумаем. — И с этими словами Милка схватила Веру за руку и повернула назад, по направлению к «Метрополю».

— А что будем смотреть? Ради чего пропускать школу?

Это был первый случай в жизни дисциплинированной отличницы, когда она собралась прогулять школу без уважительной причины.

— Да какая разница, что смотреть. Главное — не сидеть целый день, уставившись на черную доску. Шагай, шагай, еще скажешь мне спасибо.

И Вере понравилось прогуливать школу! В тот день они посмотрели два фильма, потому что на дневные сеансы билеты были намного дешевле. Перед

вторым фильмом они даже послушали джаз, что было совсем удивительно, потому что обычно джаз выступал только перед вечерними сеансами. Тут им почему-то просто повезло.

Верина мама, пожалуй, была права. Милка и в самом деле оказывала на Веру дурное влияние.

2

Постепенно восьмой «А» разделился на несколько групп. У Веры все получилось очень странно — она все так же по-настоящему дружила с Милкой, но при этом входила в компанию из шестерых девочек. Это были Неля, Зоя, Наташа, Лиля, Аня и сама Вера. Зоя предложила назвать эту компанию смешным словом «ШЕМЕЧ» (Шесть Мечтательниц), всем понравилось. Милка держалась в стороне от этих девочек, она вовсе не собиралась тратить время на то, чтобы добиваться хороших отметок, что было важным для «шемечек», у Милки были другие интересы. Все свободное от школы время она пропадала в драмкружке при Центральном детском театре. И там она впервые влюбилась. Она так влюбилась, что ни о чем больше не могла думать и совсем перестала учить уроки. Когда ее вызывали, она, опустив глаза на парту, прислушиваясь к подсказкам окружающих, бормотала что-то невнятное, и те учителя, которые хорошо к ней относились, как-то натягивали ей троечку. Но были и такие учителя, которые вовсе не хотели ей помогать, и только благодаря заступничеству Людмилы Григорьевны, классной руководительницы восьмого «А», у Милки в дневнике не было двоек.